

П. Волцит

Необыкновенные истории
о самом Лучшем
Папе на свете

Петр Волцит

**Необыкновенные истории о
самом лучшем папе на свете**

«АСТ»

2013

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волцит П. М.

Необыкновенные истории о самом лучшем папе на свете /
П. М. Волцит — «АСТ», 2013

Папа любит говорить, что он самый обыкновенный человек. Но я-то знаю, что на самом деле он вовсе не обыкновенный: он МОЙ папа! Самый сильный, самый смелый, самый добрый и самый замечательный отец на свете. Он летает в космос, вяжет шарфики и читает мне перед сном. Он столько всего умеет – просто невероятно. Хотя чего тут невероятного: я же его люблю. И знаете что? Он меня тоже любит!

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Волцит П. М., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Предисловие редактора	7
Мамино лекарство	9
Енот-обормот	11
Чудо-дерево	13
Суперсудоку	15
Лучшая в мире лошадь	17
Солнце	19
Кукольный театр	21
С три кóрба	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Петр Волцит

Необыкновенные истории о самом лучшем папе на свете

© Волцит П.М., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*** * ***

Посвящается А. Д. Попову

Предисловие редактора

Однажды поздним вечером я шёл с работы, погружённый в свои ежевечерние размышления: что успел сделать сегодня, что осталось на завтра, а что нужно было закончить ещё на прошлой неделе и, наверное, уже можно не делать.

Где-то на границе моих мыслей шумели деревья, ветер гнал по набережной сухие листья и грязные пакеты, как вдруг из-за старого каменного дома с жалобным шелестом вылетело мокрое всклокоченное существо и жалобно прилипло к моей ноге. Тетрадка! Я подобрал её, дрожащую, отсыревшую, высушил дома на батарее и стал читать, с трудом разбирая расплывшиеся от воды чернила.

Прежде всего меня поразил почерк: вроде бы и детский, и в то же время взрослый. Точнее, не взрослый, а как будто не имеющий возраста. Хотя писал, очевидно, мальчик, школьник. Но ЧТО он писал! Тетрадка явно была чьим-то дневником, но я не нашёл в ней ни единой даты, и вместо обычных мальчишеских записей: с кем сегодня подрался и кого дёрнул за косички, – автор нёс какую-то возмутительную чушь, полнейшую нелепицу! Мне, уже немолодому, серьёзному человеку с бородой и лысиной, было некогда читать подобную чепуху, и я с досадой отложил таинственный дневник в сторону и... забыл про него. Однако через несколько дней он робко вылез на середину комнаты, и я понял, что надо бы вернуть его владельцу. Наверняка, подумалось мне, где-то написаны имя и фамилия. Не обнаружив ничего на обложке, я принялся читать всё подряд: вдруг автор как-то назовёт себя в тексте.

Увы, ни имени, ни адреса, ни телефона так и не нашлось. Злясь на самого себя за то, что напрасно потерял время, я перевернул последнюю страницу и вдруг, читая, как мальчик с

отцом застревают во время бурана, вспомнил случай из далёкого детства: ведь это же было со мной! И другие истории стали казаться мне уже не такими невероятными: во всяком случае, мой отец тоже совершал чудеса, когда я был маленьким, – я помню, что считал его просто волшебником!

Тогда я понял, что мне не нужно искать хозяина дневника и возвращать ему находку. Ведь это наш общий дневник: и мой, и Гришки, которого теперь даже жена зовёт Григорием Ивановичем, и всех других мальчишек и девчонок, которые по-прежнему живут в нас, толстых и лысых, солидных и не очень. И наши папы, многих из которых уже даже нет на свете, по-прежнему кажутся нам самыми лучшими и самыми фантастическими людьми в мире. И всё, что написано в этом дневнике, – правда! По крайней мере, всё, что написано про МОЕГО папу.

А что из всех авторов дневник выбрал именно меня, так это не удивительно: он уже стар, пожелтел, выгорел на солнце и промок под дождём – скоро чернила нашего детства совсем перестанут читаться. К кому же, как не к работнику издательства, обращаться за помощью в такой ситуации?!

Мамино лекарство

Однажды мама заболела, и врач прописал ей лекарство. С таким сложным названием – не выговоришь! Папа сразу же, прямо в халате, побежал в аптеку, другую, третью – нигде нет. Вернулся домой грустный-прегрустный.

– Заморское, видать, лекарство, – проворчала бабушка.

А папа как подскочит!

– И точно, – говорит, – как это я сам не додумался?

Выскочил из дома да как побежит по улице вниз, к набережной. Разбежался и прыгнул через море – только барашки под ногами проносятся. Ну, море-то папе легко перепрыгнуть, да на беду, это и не море было вовсе, а самый настоящий-пренастоящий океан. Ладно, ветер

попутный дул, а и то на середине океана чувствует отец: падает, не дотянет. Хорошо, кит как раз вынырнул подышать: ну, папа ему на спину приземлился, разбежался от хвоста до головы и снова прыгнул. Нечестно, конечно, в два прыжка океан перепрыгивать, но уж очень папа за маму переживал.

– Я, – он потом оправдывался несколько обиженно, когда мама его за потерянный на обратном пути тапок ругала, – вовсе и не спорта ради прыгал, а за лекарством даже.

А оставшийся непарным тапок мама выбросить хотела, но я сказал, мы его в музей отдадим. Пусть все знают, какой у меня папа: океан перепрыгивает! А что в два прыжка, про то мы в музее не скажем: ещё решат, что он прыгун плохой. А он же вовсе и не спорта ради...

Енот-обормот

Летом мы ездили к папиному другу, дяде Жене, на юг. У них там еноты водятся, и дядя Женя их изучает – он зоолог. А раз зоолог, значит, животных хорошо понимает и может их чему хочешь научить! Вот он одного енота, который сначала просто на помойку промышлять ходил, и научил: огород поливать, птиц кормить. Мама, правда, сказала, что он не по-настоящему поливает огород, а просто ему ставят рядом с грядками лейки, налитые доверху, а он как пойдёт еду полоскать, так и расплещет половину – вот вам и полив. И семечки птицам так же насыпает: ему под мешок дядя Женя угощение положит, а енот, чтобы до еды добраться, всё порвёт и рассыплет. Но вот что енот точно научился, так это не бояться людей.

Как-то раз папа решил этого енота сфотографировать, причём в своём халате – пошлём, говорит, бабушке фотографию, разыграем её. Нарядили енота в халат, он такой довольный стоит (ещё бы, в карманы-то печенье положено!), папа уже резкость наводит, как вдруг в лесу

выстрел грянул – дядя Женя как раз утром жаловался, что у них браконьеров много. Енот как был в халате, так и бросился наутёк со страху.

– Держи его, – кричит папа, – у него мои документы и кошелёк в кармане!

Но куда там: енот уже в кусты нырнул, да в овраг. Он, конечно, через несколько дней вернулся – огород полить, но уже без халата – в лесу снял.

Пришлось папе новый паспорт и права водительские делать и новые деньги зарабатывать, но он не сердился.

– Я, – он говорил, – только на себя сердиться должен, енот-то не виноват. А на себя я тоже не буду сердиться: когда на меня сердятся, у меня настроение портится. Зачем же я буду сам себе настроение портить?

Чудо-дерево

Поехали мы как-то на дачу. Да не просто на дачу, а ещё и гостей позвали. А хозяйство у нас, надо сказать, не то чтобы совсем уж запущенное, но и образцовым его не назовёшь. Например, яблони урожая уже почти не дают. Срубить их и посадить новые папа не хочет: говорит, жалко деревья, хоть и старые они. Но тут перед гостями застенялся он чего-то и решил пыль в глаза пустить. Купили мы в магазине яблок, приехали на дачу и тоненькой проволокой к веткам прикрутили – вот, мол, смотрите, какой урожай у нас!

Гости завосторгались, заохали, заахали, а один старичок даже заэхал. Ну, сорвали мы быстренько несколько яблок, стали гостей на террасе потчевать. Да на беду один из гостей был учёным-садоводом, профессором.

– Как же, – говорит, – вам удалось этот сорт (он сказал название, да я не запомнил) вырастить: он же в наших краях не то что урожай дать, а даже зиму пережить не может?

Ещё бы! Яблоки-то магазинные.

– А это, – папа без запинки, только порозовев слегка, отвечает, – мы яблоню генномодифицировали: гены морозостойкости южному сорту вживили.

Тут гости опять завосторгались, захохали, заахали, а кто-то просто ойкнул. А профессор ужасно разволновался.

– Надо же, – говорит, – до чего наука дошла! Пойду-ка я ещё раз повнимательнее на это чудо-дерево взгляну.

Ну все за ним, конечно, пошли, папу поздравляют, руки жмут, автографы просят. Подбежал профессор к генномодифицированному дереву – и прямо остолбенел. А потом вдруг как согнётся пополам да как начнёт хохотать, чуть на клумбу с бархатцами не упал! И все гости захохотали, захихикали, а один вежливенько так хехекнул. Даже папе пришлось смеяться, хотя и покраснел он, словно те магазинные яблоки. Приехали-то мы накануне вечером, уже темно было, и второпях развесили их на дубе!

Суперсудоку

Мой папа умный, как Эйнштейн! Он даже время умеет замедлять и ускорять, как в теории относительности.

Вот что в прошлые выходные было. Встал я с утра, сделал уроки. Хотел было пойти спросить маму, не нужно ли ей помочь, но смотрю, она картошку на обед чистит. Не-е-е, думаю, попозже спрошу. Бабушка к соседке пошла, а папа уселся в кресло и газету читает.

– Пап, – говорю я таким жалобным-прежалобным голосом, – давай модель вертолѐта клеить, ты ещё на прошлой неделе обещал.

– Угу, – отвечает, – пять минут! Дочитаю статью, и поклеим.

Сел я ждать, смотрю на часы. А тут папа ка-а-ак замедлит время: я всё смотрю и смотрю, все глаза проглядел, а стрелка словно приклеенная. Я давай её взглядом толкать, но куда мне папу пересилить! Он же как будто и не делает ничего: сидит себе, статью дочитывает. Одну

дочитал, вторую дочитывать начал. А я смотрю, на обороте газеты ещё кроссворды, sudoku и головоломки всякие – так он вовек не кончит дочитывать!

Схватил я ручку и давай тихонько – чтобы папа не почувствовал – все задания решать. Тут время и побежало: не успел я последнее слово отгадать, смотрю, уже полчаса прошло. Стрелка, которая на месте стояла, словно прыгнула. А как стали мы вертолёт клеить, так она совсем с цепи сорвалась: завертелась, как пропеллер, аж посуда на шкафу дребезжит. Только начали, а уже мама обедать зовёт. Прямо не теория относительности, а практика...

А за кроссворд тот мне попало потом. От ма-мы – оказывается, это она хотела его разгадывать, когда папа все свои статьи дочитает. А ещё папа сказал, что у вертолёта не пропеллер, а винт называется. Ну и что: зато я фамилию Эйнштейна правильно написал!

Лучшая в мире лошадь

Затеяли мы как-то с сестрой на даче играть в индейцев. Понавязали перьев на голову, раскрасили лицо гуашью, а папу упросили стать лошадю. Классно! Я на коне гарцую, топориком кухонным, словно томагавком, размахиваю¹, Катя сзади бегаёт с боевым кличем, бабушка шарахается, клубок роняет, мама кричит: «Только не на кухню, я с кипятком!» – в общем, полный восторг. Катя выбежала во двор, мы за ней, и тут я, раздухарившись, со всего маху метнул свой «томагавк» в забор. Думал, засажу топор в дерево, словно заправский индеец.

Засадить-то засадил, но доска оказалась гнилой и от удара вылетела к соседу. А сосед наш живность всякую держит. И надо же было так случиться, что именно в это время он выпустил всех животных погулять!

Первым в дырку метнулся кролик, за ним ещё четверо, потом два поросёнка, ободрав бока об узкую щель, с визгом полетели в папины гладиолусы. Наконец и до кур донёсся пленительный аромат свободы, и они с бешеным кудахтаньем прыгнули в наш сад, словно пельмени из пачки. Лишь через несколько секунд за ними, раздирая доски руками и оставляя на них клочки не очень чистой майки, с немного диким и очень зверским рёвом, которому молоденький поросёнок Тараска, переключившийся тем временем с гладиолусов на картошку, научится ещё только года через два, к нам вломился сосед дядя Фёдор. Услышав хозяина, кролики, до этого перепуганно вжимавшиеся в землю, приобрели больше уверенности в себе и, смешно подбрасывая длинные породистые уши, ринулись копать норы на клубничной грядке – спастись.

От радостного кудахтанья кур закладывало уши. Поросюшка Геля, тоненько хрюкая, мелко трусила по грядкам и междурядьям, каждый раз ловко ускользая из рук рычащего дяди Фёдора. Её дружок Тараска, пробегая мимо окна дома, пнул клубок, который бабушка, неосторожно выглянувшая в окно, с тихим безнадежным «Ой!» выронила из рук, тут же запутался в шерсти задними ногами, но, не сбавляя ходу, продолжал носиться, ловко подкидывая сразу обе связанные ноги и опутывая разматывающейся ниткой всё вокруг.

¹ Ребята, вы за мной не повторяйте!

Казалось, хаос безоглядно и навсегда захватил наш сад. Вдобавок я вдруг обнаружил, что земля стремительно удаляется от меня – у моей «лошадки» вдруг удлинились передние и задние ноги, она встала с колен, тряхнула невесть откуда выросшей гривой и громко заржала. С громовым топотом помчался папа прямо на Тараску, собиравшегося закусить мамиными бегониями. Отчаянно взвизгнув, поросёнок через щель, расширенную дядей Фёдором, бросился обратно к себе и испуганно вжался в самый тёмный уголок свинарника. Следом через дырку метнулись кролики, а куры, от испуга научившиеся летать, махнули прямо через забор. Последним вернулся домой дядя Фёдор, успевший-таки схватить Гелю за задние ноги. Испугавшись оскаленной морды разгорячённого скачкой коня, он, держа Гелю подмышкой, залез на яблоню, пробежал по толстой ветке над забором и рухнул, поскользнувшись, прямо в мягкую и тёплую компостную кучу, лениво пованивавшую под июньским солнцем.

Конь-огонь удовлетворённо фыркнул по-лошадиному, затем стал обратно папой и ещё раз удовлетворённо хмыкнул человеческим голосом. На этом удовольствие кончилось: дальше были только починка забора, перекопка затоптанных грядок, подвязывание пострадавших цветов. Жизнь вернулась в свою колею, и только папа долго потом налегал на салат и овсянку. Что, не верите? Посмотрите на забор: вон доска, которую взамен выбитой вставили, – до сих пор светлее остальных. И овсянкой вся кладовка забита: мама накупила впрок, а у папы к концу лета прошла его лошадность. Что теперь с этими мешками делать?..

Солнце

Ох, что тут у нас было! Мы с папой жили на даче – он специально отпуск взял, со мной на весенних каникулах посидеть. Чуть не поседел – так за солнце распереживался.

А дело было так. Весна у нас выдалась затяжная: уже апрель на дворе, а снега до подоконника, и никак он не тает. Солнце вроде бы и светит, но что-то не греет. Тут папа и говорит: – Болеет, видать, наше Солнышко. Наверное, витаминов ему не хватает.

Сходил в магазин на шоссе, вернулся с большим пакетом апельсинов, мандаринов, ананасов и прочих фруктов. Распалил самовар на террасе, перегнулся через перила и зовёт:

– Приходи, – говорит, – дорогое Солнышко, чаю с нами испить да плодов заморских отведать!

Протянул руки и помог Солнышку на террасу спуститься – прямо через перила, потому что крыльцо узкое, там Солнце не пролезет. Положил на табуретку толстый лист железа – чтобы не загорелась – и усадил Солнце на почётное место. Жар такой стоял, что снег вокруг дома сразу таять начал, аж ручьи зажурчали и подснежники пробиваться пошли. А Солнышко знай чай горячий попивает да мандаринами закусывает. Зарумянилось, ещё ласковей стало. А потом вдруг как подскочит:

– Ой, – кричит, – чешусь я всё! Чешите меня – мне самому нечем, у меня рук нет!

И точно: по всему солнечному лицу уже не румянец, а какие-то красные волдыри пошли. Аллергия у него на мандарины!

Папа не растерялся, схватил флакончик одеколona, который уже много лет в шкафу стоял, надел перчатки огнеупорные и давай Солнце протирать. Вроде помогает – поменьше волдыри стали. Тогда папа скорее в аптеку побежал, купил побольше одеколону и одну за другой вылил бутылочки на Солнышко. Вылечили мы его, ещё краше стало. А уж как жарило потом всё лето! Только к осени остатки спирта догорели. Я предложил следующей весной керосинчиком его обдать, но папа говорит, не стоит: и так глобальное потепление идёт, а ещё мы тут будем Солнце раскочегаривать.

Кукольный театр

Ехали мы как-то электричкой. Долго ехали, и моя сестрёнка Катя стала скучать, вертеться, а потом и вовсе захныкала. Мама пыталась её успокаивать, обещала, что скоро приедем, – да какое там скоро! Ещё полтора часа, не меньше. Пассажиры ворчат: потащили, мол, ребёнку в такую даль, а она и сама не спит, и нам спать не даст капризами.

– Не извольте беспокоиться, судари и сударыни! – сказал папа. – Сейчас мы устроим спектакль усыпительного характера – наискуднейшее представление на свете. Выступает кукольный театр «Храпят все!».

– Я не хочу спа-а-ать! – заканючила Катя.

– Т-ссс! – театральным шёпотом шикнул папа. – Ты и не будешь, ты мне нужна как ассистентка.

Крекс-пекс! – папа достал прямо из воздуха куколок, двух – наряженных крестьянками – надел себе на руки, третью – добра молодца – Кате дал. Хихикая, они забрались в соседнее купе, спрятались за спинкой сиденья и давай представление показывать.

– Здорово, Пятровна! Ты чаво-то это мне корыто разбила?! – ругался папа резким высоким голосом и смешно дёргал косичками.

– И тебе поздорову, Николавна! Да не брала я твою корыта! – отругивался он же, но уже низким грудным женским басом, оправляя белый передник.

– Да, да! Не брала она ничего! – весело повторяла за папиным шёпотом Катя, лихо заламывая красную шапку, и то и дело высовывалась из-за сиденья: посмотреть на реакцию зрителей, честно пытавшихся на «скуднейшем представлении» поспать.

– Да как же не брала, когда брала?!

– Да, да! Ничего не брала!

Страсти на сцене накалялись, пассажиры постепенно бросили попытки заснуть и повернулись в нашу сторону – кто недовольно, кто с интересом. Папа тоже забылся, вошёл во вкус, и матерчатые хозяйки ругались друг на друга всё громче и громче.

– Да не брала я твою корыта. А когда вернула, так оно целое было!

– Да чтоб твоей головушке быть такой целой, каким ты мне корыто вернула!

– Да у меня самой корыто дыряво, стала бы я тебе почти целое возвращать!

Петровна подождала поддержки со стороны добра молодца, но тот, ранее охотно ей поддакивавший, что-то загрузил, безвольно повесил тряпочные руки, перестал выглядывать из-за «кулис», а потом и вовсе упал. Махнув рукой – что с этих мужиков взять! – Петровна с Николавной пошли доругиваться сами.

– Да оно всегда было разбитым, корыто это твоё! Нужно оно мне такое!

– Что, не возьмёшь больше?! – угрожающе гудел голос Николавны.

– Не возьму! – дав «петуха», взвизгнул и без того высокий голос Петровны.

– Ах так! Ну, не хочешь брать, так я тебе сама не дам! Ишь, гордая выискалась!

Напоследок дав друг другу пару оплеух, куколки разошлись по сторонам, и на сцене показалась папина голова – кланяться. Все аплодировали, кричали «Браво!», папа улыбался, махал руками и всё приговаривал:

– Да вы, спите, граждане пассажиры, спите!

– А Катя?! Где же Катя? – вдруг заволновалась мама.

Папа не ответил, но только загадочно ухмыльнулся.

Перегнулись мы через сиденье – а Катя, растянувшись на лавке, спит пуще того добра молодца на сцене.

Спектакль-то взаправду усыпительным оказался.

С три кóроба

Поехали мы раз на дачу. И разумеется, машина наша в весенней луже застряла. До дома ещё километров пять, бабушка ждёт, а у нас огромный груз – мы шкаф и кучу других вещей перевозили. Папа крикнул: «Я на минутку!» – и в лес. Выходит через полчаса с огромным медведем. Он разные животные языки знает, я не говорил ещё?

– Вот, – говорит, – Мишаня: он нам вещи донести поможет. Я ему наобещал с три кóроба, он и согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.